

Краткое содержание:

Цзинь Цзысюань должен сделать выбор, от которого его желудок скручивается узлом. Лань Цижэнь получает известие, которое ему не нравится. Цзинь Гуаншань выдвигает требования.

Сейчас все участники не особенно счастливы (кроме, быть может, А-Юаня и его крупных рыб).

— Это... это Цзысюнь. Цзинь Цзысюнь. — Цзинь Цзысюань смотрел на останки глазами, полными ужаса и печали.

Он смог узнать своего двоюродного брата только по характерному шраму на плече и затейливому головному убору, который в последнее время тот предпочитал носить, и теперь он больше не мог отрицать очевидного: его кузен был убит при попытке избавиться от Вэй Усяня. Цзинь Цзысюань пытался отмахнуться от всех тех обвинений, что Не Хуайсан выдвинул против его отца накануне вечером, но он больше не мог прятаться от правды.

Не Минцзюэ решительно кивнул.

— Теперь перед тобой есть несколько вариантов, Цзинь Цзысюань. И твоё решение определит курс на всю оставшуюся жизнь.

Цзинь Цзысюань тяжело сглотнул, оторвал взгляд от изуродованного тела и посмотрел на главу Не:

— Вы будете настаивать на смерти моего отца?

— Я не могу настаивать на этом, не рискуя восстанием Ордена Цзинь. Нет, я не буду настаивать на его смерти, но я отказываюсь позволить кому-то вроде него оставаться у власти. Мир в опасности, потому что Гуаншань слишком упрям, чтобы видеть то, что у него перед носом. Безрассудное упрямство не та черта, которая нужна в наших лидерах в эти дни. Такие лидеры умерли вместе с Вэнь Жоханем. — Не Минцзюэ нахмурился, когда произнёс имя этого человека.

На какое-то время Цзинь Цзысюань просто позволил себе признать его правоту. Затем он спросил:

— Что Вам от меня нужно?

Выражение на лице главного заклинателя нельзя было назвать улыбкой, не с таким уровнем неприкрытого раздражения.

— Мне нужна твоя поддержка. Я бы предпочёл передать Ланьлин Цзинь в твои руки. Но, в крайнем случае, мне нужно, чтобы ты сохранял нейтралитет. — Не Минцзюэ выжидающе поднял бровь. — Я не считаю тебя кем-то, кто будет слепо поддерживать семью только потому, что они семья, Цзинь Цзысюань.

Наследник Цзинь глубоко вздохнул:

— Вы хотите, чтобы я выступил против действий моего отца, и награждаете меня за это моим собственным наследственным положением?

— Ты можешь смотреть на это так, но до тех пор, пока ты открыто не выступишь против предложений, которые я представлю великому учителю Ланю, ты гораздо лучший союзник, чем твой отец. — Не Минцзюэ наблюдал, как на лице Цзинь Цзысюаня, одна за другой, сменяются эмоции. — Мне не нужен твой ответ немедленно. Дай себе время всё обдумать. Ты не сможешь поговорить с отцом, его покои охраняются, и ничего об этом не дойдёт до его ушей. — Минцзюэ выждал мгновение, прежде чем повернуться и покинуть зал исцеления.

Цзинь Цзысюань проводил его задумчивым взглядом. Его разум был в смятении.

Он не мог смириться с неразумными действиями своего отца; убить кого-то из-за воображаемой угрозы, которую тот представлял, потому что вы хотели больше власти? Он не мог потворствовать этому. Но от того, что он должен был выступить против отца, всё внутри него неприятно скручивалось.

Ноги привели Цзинь Цзысюаня во двор с небольшим ухоженным садом, скамейкой, небольшим прудом и звуком двух голосов в дальней стороне, невидимой с того места, где он стоял.

— А-Юань, иди посмотри на рыбу!

— Тётя Яньли, я хочу сегодня навестить двух старших братьев. Я могу? Пожалуйста!

— О, А-Юань, не сегодня. — Голос Цзян Яньли слегка дрожал, когда она ответила, и сердце Цзинь Цзысюаня сжалось.

— Почему?

— Тётя Цин сказала, что сегодня им нужно отдохнуть, и никто не может их навестить, хорошо?
— Он мог слышать горе, смешанное со спокойствием, когда она объясняла ребёнку всё, что могла.

— Но... но Сянь-гэгэ всегда так грустит, тётя Яньли. — Голос маленького мальчика прозвучал обиженно, и Цзинь Цзысюань мог представить грустное хмурое выражение на его лице. — Он не грустит, когда я держу его за руку, тётя Яньли.

— Что ты имеешь в виду, А-Юань? — Обеспокоенность и любопытство в голосе девушки заглушили шок, как мог слышать Цзинь Цзысюань.

Наступила пауза, пока маленький мальчик пытался подобрать нужные слова.

— Просто Сянь-гэгэ грустит. Тебе тоже сейчас грустно, тётя Яньли.

— Откуда ты знаешь, А-Юань?

— Ваши внутренности, они грустят. — В его голосе не было ни лукавства, ни игры, только невинная прямота. — Почему ты грустишь, тётя Яньли?

— Мне грустно, потому что я не могу сегодня посетить А-Сяня, А-Юань. Но как насчёт того, чтобы спросить, можем ли мы прийти завтра, хм?

— Хорошо! Тогда я смогу сделать Сянь-гэгэ счастливее. — Короткая пауза, наполненная шелестом одежды. — Всё в порядке, тётя Яньли. Моя бабушка говорит, что иногда полезно поплакать.

Цзинь Цзысюань почувствовал, что слишком глубоко вторгся в чужое личное пространство, и повернулся, чтобы уйти и продолжить свои размышления в другом месте, но прозвучавшие за его спиной слова заставили его остановиться.

— О, молодой господин Цзинь. Я не заметила тебя. Надеюсь, я ничем Вас не потревожила. — Голос Цзян Яньли, обращённый непосредственно к нему, заставил Цзинь Цзысюаня обернуться. Его сердце застряло в горле, когда девушка поклонилась и промокнула влажные глаза рукавом, прежде чем улыбнуться ему, немного шаткой, но нежной улыбкой.

— Ах, нет, пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания, дева Цзян. — Цзинь Цзысюань попытался не обращать внимания на горячий румянец, заливающий его шею. — Привет, А-Юань.

— Дядя Цзинь, привет! Вы видели рыбу?

Цзинь Цзысюань немного растерянно посмотрел на счастливого малыша, который свободно улыбался и смеялся.

— Я видел их раньше. Они очень симпатичные, — ответил он несколько сбивчиво. — Должно быть, я мешаю вам играть, приношу свои извинения. — Цзинь Цзысюань склонил голову. — Я ухожу.

Цзян Яньли выглядела несколько беспомощно:

— Молодой господин Цзинь, что бы ни случилось, я... я не держу на Вас зла. — Она подарила ему ещё одну лёгкую улыбку. — Пожалуйста, присоединяйтесь к нам, А-Юань любит делиться своими играми и игрушками.

Цзинь Цзысюань застыл на месте с широко раскрытыми глазами.

— Я... ты... это, — пробормотал он. — Ты слышала?

— А-Чэн рассказал мне. — Цзян Яньли наклонилась к ребёнку и ласково проговорила: — А-Юань, почему бы тебе не поискать ту большую оранжевую рыбу, которую ты видел ранее, а?

Её предложение заслужило радостные возгласы, и мальчик помчался к краю пруда. Он уселся на каменный бортик и принялся всматриваться в воду, сузив глаза и сосредоточившись.

Меж тем Цзинь Цзысюань стоял в стоическом молчании, нерешительность сковывала его движения.

— А-Чэн рассказал мне прошлой ночью. Не всё, но достаточно, чтобы я не волновалась. Но ты... Это был кто-то, кого ты знал, — тихо произнесла Яньли, наблюдая, как А-Юань раздвигает водяные цветы, чтобы увидеть другой участок воды.

Цзинь Цзысюань напряжённо кивнул.

— Я... опознал его сегодня утром, — поведал он вполголоса.

Яньли кивнула, грусть отразилась в каждой чёрточке её лица.

— Ты знаешь, почему он это сделал? — спросила она, а когда Цзинь Цзысюань кивнул, но ничего не предложил, удручённо поникла. — Это как с А-Чэном. Ты не можешь сказать мне, даже если знаешь.

Цзинь Цзысюань почувствовал себя виноватым, но он мало что мог с этим сделать.

— Я... когда будет безопасно, — слабо вымолвил он.

— А-Чэн сказал то же самое. — Цзян Яньли обхватила себя руками. — И когда будет безопасно? После очередного покушения на жизнь А-Сяня и второго молодого господина Ланя? После очередной бури со вкусом слёз А-Сяня? После... — Она сжала губы. — Прошу прощения, молодой господин Цзинь, я не хотела вымещать на Вас своё недовольство. — Она коротко поклонилась и быстрым шагом подошла к А-Юаню.

Цзинь Цзысюань сам не понял, как это произошло, но в следующий миг он оказался рядом с девушкой, а его ладонь осторожно легла на её плечо:

— Дева Цзян, мне очень жаль, что я не могу дать Вам ответы, которые Вы ищете, — сказал он, умоляя её широко раскрытыми глазами. — Есть опасность в том, чтобы знать правду.

Её глаза, обычно такие нежные и добрые, сверкнули.

— Куда больше опасности в том, чтобы ничего не знать, молодой господин Цзинь! — прямо сказала она. — Я знаю, что А-Сянь связал себя со вторым молодым господином Ланем. Я не слепая. Но я не понимаю, почему это такая проблема. Все так обеспокоены этим, — сказала Цзян Яньли, силой воли тщательно сохраняя голос ровным. — Но...

Цзинь Цзысюань импульсивно взял её руку и молча нарисовал четыре знака на её ладони, задержав палец на мгновение, прежде чем отвести руки и скрестить их за своей спиной.

— Я прошу прощения за свою бесцеремонность, дева Цзян, — произнёс он, а потом поклонился и повернулся, чтобы уйти, стараясь не обращать внимания на жгучий румянец, снова заливающий его шею.

— Молодой господин Цзинь, ты... ты уверен? — Голос Цзян Яньли дрожал.

Он кивнул, не доверяя своему голосу.

— Я... спасибо, что рассказал мне, молодой господин Цзинь.

Искренность её слов бальзамом пролилась на его душу, и стало немного легче.

Цзинь Цзысюань не был уверен, что ему хватит сил выстоять в суматохе, которая наверняка в скором времени захлестнёт мир совершенствования. В своём неудержимом стремлении к власти его собственный отец возглавлял очень опасную и потенциально катастрофическую кампанию против возможного будущего, которое сформируют Лань Ванцзи и Вэй Усянь. Но он знал, что больше не может просто стоять в стороне и позволить беде случиться.

Нет, если он хотел снова увидеть эту яркую, нежную улыбку. Он мог дать ответ Не Минцзюэ быстрее, чем сам ожидал.

* * *

Лань Цижэнь с тревогой и беспокойством принял письмо от всё ещё отсутствовавшего старшего племянника.

Сичэнь и Ванцзи исчезли после окончания войны, в то значимое время, когда Гусу Лань из всех сил пытался собрать себя воедино. Он надеялся, что окончание битвы вернёт Сичэня и Ванцзи домой, что они приложат все силы и возьмут на себя руководство восстановлением Ордена, но этого не произошло. На самом деле, если слухи, которые до него всё-таки доходили, были верны, Сичэнь и Ванцзи находились сейчас в Цинхэ, в гостях у Не Минцзюэ.

Лань Цижэнь надеялся, что это письмо, наконец, объяснит, почему его обычно прилежные и исполнительные племянники уклоняются от своих обязанностей.

«Дядя,

Я надеюсь, что это письмо застанет Вас в добром здравии. Я хочу извиниться за своё продолжительное отсутствие и за то бремя, что Вам пришлось взять на себя вместо меня. Я регулярно получаю отчёты из Гусу, и меня утешает знание того, что такой мудрый и опытный человек, как Вы, возглавляет наш народ. Только знание того, что Вы такой способный и рассудительный, позволяет моему сердцу немного отдохнуть в моё отсутствие.

Боюсь, я должен попросить Вас об услуге, дядя. Я знаю, что это может сбить с толку и вызвать беспокойство, но Вы единственный, кому я доверяю, чтобы выполнить это беспристрастно. Была попытка похищения заклинателя, в ходе которой похититель, другой заклинатель, был жестоко убит. Тем не менее, тот, кто подвергся нападению, был половиной тяжело раненой Сливающейся Пары, что и послужило мотивом для попытки.

Смерть похитителя вызвала гнев и беспокойство у тех, кто в этом замешан, и мы нуждаемся в руководстве со стороны. Я пишу, чтобы попросить Вас быть этой рукой и поделиться с нами своей мудростью и ясностью в такое беспокойное время. Если Вы принесёте с собой те тексты, которые у Вас есть о Слившихся Парах, они могут оказаться наиболее полезными.

Я с нетерпением жду Вашего прибытия в Цинхэ, как только Вы сможете. Подробнее будет объяснено, когда Вы приедете.

Лань Сичэнь».

Письмо выпало из бесчувственных пальцев, когда последствия таких страшных событий нахлынули на него, как приливная волна. Слияние. История и мифы воплотились.

То, что кто-то пытался причинить вред одному из них... он едва мог представить себе подобное действие. Сменились поколения, но, конечно же, знание о последствиях не ушло из письменных источников. Наверняка они не стали просто историями для фантазий.

Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы подняться на ноги, подхватить письмо и засунуть его под мантию. Никто не должен был наткнуться на него, пока убирался в его комнате.

Лань Цижэнь подозревал, что именно эта раненая, не до конца Слившаяся Пара была причиной того, что его племянники до сих пор не вернулись, и теперь он понял, почему так мало слышал о них. Должно быть, так много всего произошло, так многого он не знал.

Другого выхода не было, ему нужно было посетить Цинхэ и узнать обо всём, что произошло, непосредственно от своих племянников. Несмотря на шаткое положение Гусу Лань, когда всего чуть больше половины зданий было заново отстроено, а четвёртая часть заклинателей всё ещё отсутствовала, он не мог проигнорировать такое послание. Старейшинам придётся заняться восстановлением клановых объектов самостоятельно.

Если бы только он положил эти исторические тексты куда-нибудь поудобнее, думал он, ворча, когда пробирался в запретную секцию Библиотеки. Тем не менее, они были необходимы в данной ситуации, он не мог отправиться в путь без них.

Тексты придадут вес его словам; доверие, которого у современной молодежи нет. Он не мог оставить эту ситуацию в их руках, или — да хранят их милостивые боги! — в руках Цзинь Гуаншаня. Жадный до власти глава Ордена Цзинь был не слишком благосклонен к мифам и легендам, и, хотя Сичэнь не назвал имен, старейшина сомневался, что этот человек смог остаться в стороне от такой ситуации. А если ему придётся сражаться с Цзинь Гуаншанем, он должен быть основательно подготовленным.

И, даже если всё остальное потерпит неудачу, он всё ещё сохранил много своей силы и ради безопасности мира заклинателей без колебаний использует её.

* * *

— Мой племянник мёртв, в твоих стенах, Чифэн-цзунь! Не просто мёртв, а разорван на куски, и всё же вы держите меня и моих людей взаперти и не проводите расследования его смерти!

Через два дня после внезапной смерти Цзинь Цзысюня, Цзинь Гуаншань, наконец, добился аудиенции у главного заклинателя и главы Ордена Гусу Лань. Теперь, в своих хорошо охраняемых покоях, он сидел на коленях посреди скудно обставленной комнаты, лицом к Лань Сичэню и Не Минцзюэ, кипя от злости. У него не было ничего, кроме времени, чтобы обдумать ситуацию, разозлиться и воспользоваться возможностью, чтобы противостоять тем, кто держит его здесь.

На самом деле, он не испытывал никаких угрызений совести из-за того, что все и каждый слышал его, когда он перекрикивал бурю, с горящими глазами излагая свои обиды. Похоже, время также вернуло часть его разрушенной гордыни и высокомерия.

Лицо Не Минцзюэ помрачнело.

— Это не новость для Вас, глава Ордена Цзинь, Вы не могли забыть всё, в чём Вас обвинил Хуайсан. — Цзинь Гуаншань нервно сглотнул. — Ваш племянник находился в той части

цитадели, куда ему было запрещено заходить. Он пытался похитить тяжелораненого, находящегося без сознания Вэй Усяня. То, что случилось с ним из-за его идиотской выходки, не вина Ордена Цинхэ Не. Сколько бы раз Вы ни кричали на моих людей, этого факта не изменить.

Цзинь Гуаншань поднялся на ноги, каждая черточка его лица выражала ярость.

— Вы держите псов-Вэней в своей резиденции, вы распространяете слухи о мифах и сказках, пытаетесь привлечь общественность на свою сторону, и вы ожидаете, что я отмахнусь от убийства одного из членов моей семьи, потому что он умер в комнате, к которой беспричинно ограничили доступ? — спросил он и гордо расправил плечи.

— Те мифы и сказки, о которых Вы говорите, не являются таковыми, глава Ордена Цзинь. И Ваш племянник узнал об этом на собственном горьком опыте, — ледяным тоном проговорил Лань Сичэнь, противопоставляя спокойствие бурлящим эмоциям, наполнявшим комнату. — Я отправил сообщение моему дяде, который хранит истории мира совершенствования. Он будет здесь через несколько дней.

Цзинь Гуаншань усмехнулся:

— Так мне сказали, но, по правде говоря, Лань Сичэнь, как я могу принять это? Лань Цижэнь пристрастен, его любимый племянник замешан в этих твоих нелепых слухах, — насмешливо произнёс он. — Его слова будут взвешены с учётом отчаянности связи.

— В своём письме к нему я не называл имён. Он не знает. Гусу Лань далёк от распространённых слухов, и адепты Орден Лань не могут лгать. — Взгляд Лань Сичэня был твёрдым и ясным. — Он будет наблюдать за этой ситуацией, не зная имён причастных.

Цзинь Гуаншань нахмурился:

— Я слышал об этом. Но как я могу Вам верить? Лань Ванцзи — Ваш брат, Лань Цижэнь — Ваш дядя. Почему бы Вам не использовать это в своих интересах? Я хочу услышать причины из Ваших уст, а не заверения лакеев любителя посплетничать.

— Вы говорите такие вещи о молодом господине Не на свой страх и риск, глава Ордена, — заметил Лань Сичэнь, удивлённый тем, что услышал в речи этого человека лёгкую заминку. — И хочу пояснить: я не открыл своему дяде правды, потому что он нужен мне, чтобы держать Гусу Лань на плаву — мой дом сгорел во время войны и находится в процессе восстановления. Если бы вся основная семья Гусу Лань отсутствовала, такой процесс проходил бы намного сложнее.

Тишина на мгновение поселилась в тихом неподвижном воздухе комнаты, прежде чем Цзинь Гуаншань поморщился.

— Если это может быть доказано, когда он прибудет, я позволю ему нас рассудить, — наконец, признал он. — Эта чепуха должна быть признана фарсом и Орден Цзинь должен получить отмщение за убийство моего племянника.

— То, что Вы называете чепухой, могло привести к разрушению мира совершенствования, если бы Цзинь Цзысюнь преуспел, — сказал Лань Сичэнь, и даже Цзинь Гуаншань услышал гнев, прозвучавший в его словах.

— Слияние Пар и тому подобное... Вы действительно верите во всю эту чепуху? — пробормотал Цзинь Гуаншань. — Неужели Вы так и не переросли эти сказки?

— То, что Вы считаете сказками, — это истории и биографии некоторых из величайших заклинателей. Если Вы забыли об этом, глава Ордена Цзинь, то, возможно, пришло время пересмотреть Вашу систему образования? — В глазах Лань Сичэня читалось тяжёлое осуждение. — Разве смерть Цзинь Цзысюня не свидетельствует о том, что произошло нечто, выходящее за рамки того, что Вы считаете правдой? Его смерть не могла быть вызвана человеческими руками.

— Эта псина-Вэнь что у Вас в качестве лекаря... — начал Цзинь Гуаншань.

— Целительница Цин едва может одеться. Ей требуется помощь даже с самыми простыми задачами, — прервал его Лань Сичэнь, всё ещё выглядевший безмятежно спокойным. — Вы предполагаете, что кто-то, кто едва может поднять чашку, может нанести ущерб, который получил Цзинь Цзысюнь?

— Любой целитель, которого Вы выберете здесь в качестве свидетеля, подтвердит слова главы Ордена Лань, — твёрдо заявил Не Минцзюэ. — Целительница Цин не тот монстр, за которого Вы её принимаете.

Цзинь Гуаншань нахмурился.

— Значит, ты преувеличиваешь состояние, в котором находятся Вэй Усянь и Лань Ванцзи, — настаивал он, всё больше разочаровываясь.

Не Минцзюэ фыркнул и издевательским тоном поинтересовался:

— Вы верите, что Вэй Усянь был до такой степени загнан в угол?

— Вы же не станете возражать, если я собственными глазами увижу, как вашу псину-Вэнь, так и тех двоих мальчиков из этой волшебной истории, которую вы всем навязываете?

В то время как Лань Сичэнь хотел возразить (Цзян Чэн уже был бы на ногах и метал бы гром и молнии, если бы был здесь), Не Минцзюэ коротко кивнул.

— Только Вы один, в сопровождении меня и главы Ордена Лань, а также нескольких охранников, и под наблюдением главы Ордена Цзян. Любые попытки, которые могут быть истолкованы как нападение, будут восприняты как таковые, и на них последует соответствующая реакция. — Его голос не терпел возражений. — Вы понимаете?

Губы Цзинь Гуаншаня скривились от обиды:

— Вижу, ты мало веришь в моё слово.

— Разве Вы не делаете то же самое? — Не Минцзюэ равнодушно дёрнул плечом.

Тишина была ему ответом.

— Ну что ж, давайте подтвердим или опровергнем Ваши подозрения, глава Ордена Цзинь, — сказал Лань Сичэнь и сделал приглашающий жест. — Глава Ордена Цзян и целитель Цин наблюдают за ними.

Лань Сичэнь первым покинул комнату, но в коридоре притормозил и дождался своих спутников. Теперь Цзинь Гуаншань шёл между ним и Минцзюэ. Позади них шагали четверо охранников (все четверо, кисло заметил Цзинь Гуаншань, были среди тех, кому адский наследник Не безоговорочно доверял). Напряжение в воздухе вокруг них походило на патоку, густую и тяжёлую, и её было достаточно, чтобы отправить любого на их пути в совершенно другое направление. В тишине не прозвучало ни разговора, ни случайного слова. Только звуки их шагов, бормочущие приветствия тех редких заклинателей, кто не изменил маршрут, и шумное дыхание тех, кто, издали бросал на них настороженные взгляды, сопровождавшие их до самых дверей Комнаты Исцеляющего Лотоса.

Уже на крыльце Лань Сичэнь поднял руку, призывая всех остановиться.

— Я предупрежу главу Ордена Цзян о ситуации, — спокойно произнёс он и скрылся за дверью.

Яростный разговор, слишком тихий, чтобы расслышать точные слова, но достаточно громкий, чтобы в таком знании не было необходимости, вырвался из комнаты, а затем дверь распахнулась, и яростное лицо Цзян Чэна приветствовало Цзинь Гуаншаня.

— Следите очень внимательно за своими действиями, глава Ордена Цзинь, — прошипел он очень тихо, с яростью в каждом слове. — Один неверный шаг, и я выслушаю лекцию за нарушение общественного порядка!

Цзядянь вспыхнул на его запястье, но Цзинь Гуаншань лишь усмехнулся.

— Если Вы выступите против другого главы Ордена, Вы будете подвергнуты гораздо большему, чем просто какая-то лекция, — сказал он с большим пренебрежением.

Цзян Чэн приподнял бровь.

— Я думаю, что нет. Здоровье и безопасность моего брата стоят гораздо больше, чем Ваши. — Его глаза светились гневом. — Двигайтесь медленно и чётко, глава Ордена Цзинь, если Вы дорожите Вашим здоровьем.

— Ваньинь, — натянутым тоном произнёс Лань Сичэнь. — Его сопровождают четверо охранников, и мы трое здесь. Впусти его, он ничего не сможет сделать без немедленного возмездия.

— Прошло едва ли больше двух дней с тех пор, как один из его людей пытался похитить и убить моего брата! — отрезал Цзян Чэн, понизив голос на октаву. — Рискуй своим братом, Сичэнь.

Глава Лань глубоко вздохнул.

— Мой дядя скоро будет здесь, чтобы понаблюдать за ходом разбирательства, — сказал он. — Но, пока его нет, мы не можем вынести решение, мы не можем предпринимать упреждающие действия. Впусти его, Ваньинь.

Неохотно делая каждое движение, Цзян Чэн отошёл достаточно далеко от входа, чтобы пропустить Цзинь Гуаншаня, но не сводил с него свирепого взгляда.

— Вот. Это те двое, которых Вы пришли обвинить. Бессознательные и неподвижные. Очевидно, что это огромная угроза для Вас и всего, что Вам дорого. — Цзян Чэн не потрудился скрыть презрение в голосе.

Для тех, кто видел этих двоих каждый день и наблюдал за их медленным выздоровлением, они были в отличной форме, особенно учитывая ужасные травмы, которые те получили почти полтора месяца назад.

В глазах же того, кто видел их впервые, их раны были ужасающими.

Пятнистые кровоподтёки цвета перезревших фруктов расплзлись по их туловищам и конечностям — всё, что осталось от опухших, искривлённых суставов и треснувших костей. Извилистые порезы, многие из которых только начали заживать, извивались на руках, ногах и груди, поверх и сквозь слабые иссиня-чёрные завитки, проступавшие на целых участках кожи.

Даже Цзинь Гуаншань не смог остаться равнодушным.

— Они... — Он запнулся, невольно отступая назад. — Это...

— А чего Вы ожидали? Пары синяков? Сломанные руки? Ранений от меча? — выдавил Цзян

Чэн, из его слов сочилась кислота. — Вы думали, что мы прятали их из-за таких простых травм?

— Это зеркальные травмы, — сумел выговориться Цзинь Гуаншань. — Отражение...

Глаза Цзян Чэна вспыхнули от ярости.

— Да, они Слияние и Связаны, чего ещё можно было ожидать? — выпалил он, оказавшись в поле зрения Цзинь Гуаншаня. — Вы так хотите не верить, но посмотрите на них и опровергните доказательства!

Глава Ордена Цзинь оторвал взгляд от двоих бездыханных заклинателей и посмотрел на Вэнь Цин.

— Ты! Ты была здесь в ночь предполагаемого нападения! — Он обвиняюще наставил на неё палец. — Что мешало тебе что-то сделать?

Вэнь Цин поднялась на ноги, сделала осторожный шаг вперёд и вытянула перед собой забинтованные руки.

— Пока они не исцелятся и я не смогу отдохнуть, мои руки бесполезны для всего, кроме самых основных задач, — прямо сказала она, глядя в глаза главы Цзинь сурово и осуждающе. — Что бы Вы хотели, чтобы я сделала против силы энергии Сливающейся Пары, когда я не могу без посторонней помощи надеть мантии или без боли расчесать свои волосы?

Дыхание Цзинь Гуаншаня зазвучало резко и рвано.

— Я буду ждать прибытия великого учителя Лань Цижэня, — после длительной паузы проговорил он, произнося этот титул так, как будто ему было противно. — Пока личности этих двоих скрывают от него, я буду соблюдать его решение в этом вопросе. — Он посмотрел куда-то мимо Цзян Чэна и сухо поинтересовался: — Когда они проснутся?

— Вас это не касается! — с рыком огрызнулся Цзян Чэн. — Вы пришли. Вы увидели. А теперь — уходите. — Он был на грани того, чтобы лично выставить главу Цзинь за порог.

На мгновение Цзинь Гуаншань хотел отчитать этого молодого выскочку, напомнить ему о том, как нужно вести себя со старшими, а тем более с главой более крупного Ордена, но живое напоминание о травмах Лань Ванцзи и Вэй Усяня остановило его язык.

— Я ожидаю, что меня проинформируют, когда они проснутся, — вместо этого сказал он, а затем развернулся и ушёл. В сопровождении охранников он направился обратно в те аскетичные покои, в которых провёл последние дни. Он не стал дожидаться, чтобы увидеть, согласятся ли остальные с его требованием (он понимал, что этого не будет, но до сих пор он

не мог понять мир, где ему не подчинялись).

Цзинь Гуаншань отказывался даже думать о том, что мог ошибаться, что мог совершить серьёзный промах. Потому что, если он и правда ошибся, ему придётся нести ответственность за конец мира совершенствования, каким он его знал. Он не мог смириться даже самой мыслью об этом.

Нет, он должен быть прав. И Лань Цижэнь увидит это.

<http://bllate.org/book/13203/1177355>